№ 62 63 Сентябрь — Октябрь 1935 года Цена 15 сентов

Р ОС 4-4 1-105

Р 4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64-199

PROBUZHDENIE
9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№62—63 СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 1935 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ЖАН ГРАВ. Немножко логики. — АКРАТА. Крушение авторитарного социализма и пути к новой прогрессивной деятельности. — М. РУБЕЖАНИН. Древне - римские диктаторы и мы (окончание). — Л. ЛИПОТКИН. Деньги и дороговизна жизни. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Кропоткин и российская революция. — М. БАКУНИН. Программа общества международной революции (Окончание). — Обращение ко всем анархическим организациям и отдельным товарищам. Стихи.

JEAN GRAVE.

НЕМНОЖКО ЛОГИКИ

Несколько времени тому назад у меня был спор с несколькими товарищами, сторонниками того, чтобы «синдикаты, во время революции, взяли на себя управление заводами и орканизовали бы производство».

Я отстаивал старую мысль: «чтобы группы лиц, об'единенных общностью взглядов по вопросу о том, какие предметы следует производить и каким способом их производить», взяли на себя это дело

Мои противники допускали, что мое понимание было лучшим решением вопроса, что эту мысль следует осуществить, как только создано будет новое общество, но они доказывали, что ее нельзя осуществить в начале революции, тогда как переход заводов в руки синдикатов с самого начала революции, само собой разумеется, и это — единственный способ устранить разрыв между вчерашним обществом и обществом завтрашним.

Отстаивать мою мысль заставляет меня то соображение, что сохранение целиком ныне существующего способа производстства не отвечало бы нуждам населения, вкус которого будет развиваться вместе с общим ходом его развития.

Кроме того, мы должны стремиться к децентрализации в производстве в такой же мере, как и в социальной организации. Контролируя производство, синдикаты — хотя этого чрезвычайно не хотят те, кто намерен доверить эту роль — незамедлят стать чем-то в роде власти, так как именно они будут решать вопрос о работе заводов, которыми они будут управлять.

Это было бы тем более ненормально, что людьми в их об'единениях должны уп-

равлять не нужды производства, а нужды потребления.

Люди, даже в нашем столь плохо организованном обществе, имеют различные вкусы и склонности. Они, не задумываясь, принимают все то, чем их снабжает капиталистическое производство, потому что у них, если только они не чрезвычайно богаты, нет никакой возможности добиться того, чтобы производство руководилось их собственными взглядами. Рабочий вынужден искать прежде всего дешевизны, т. е. лучшего из плохого.

**
*

В известном смысле, именно нуждами производства будут руководиться люди в своих об'единениях, но лишь для того, чтобы производить в согласии со своими вкусами и своими склонностями. И эти об'единения будут столь же многочисленны, как многочисленны и разнообразны вкусы в деле производства одного и того же предмета.

«Каждый будет, следовательно, работать для самого себя?» — Не совсем! Один и тот же человек сможет расходовать свою активность в двух, трех, четырех направлениях. Однако, редки будут люди, которые смогут приспособиться ко всякого рода занятиям. Это не помешает им иметь свои собственные вкусы и предпочтения по отношению к предметам и их потреблению. Им придется, следовательно, столковываться с теми, кто будет выделывать предметы в соответствии с их вкусами и обмениваться с ними продуктами или услугами.

Такова будет первая форма соглашения между различными группами. Остается применить этот способ действия ко всем формам человеческой деятельности, и получается новое общество, организующееся нуждами лиц, это общество составляющих.

Одна группа доставит готовые предметы и получит в обмен сырые материалы для их изготовления, или какие-либо иные предметы из другого материала, или иной выделки. Будет достаточно простора для всех видов деятельности, и удовлетворение всех нужд будет обезпечено путем соглашения между различными группами. Соглашение станет легко осуществимым, когда, вместе с торгашеским духом, исчезнет жажда наживы.

С первых же дней революции станет возможным такое приспособление групп друг к другу, если только еще в период пропаганды осуществится идея кооперативных мастерских и земледельческих колоний. Это, в свою очередь, облегчит переход от современного обществаа к будущему обществу.

**
*

Что касается меня, то я представляю себе будущее общество не иначе, как в виде групп, созданных в видах облегчения свободы действий для всех методов, для всех идей, в то время, как захват синдикатами всех корпораций был бы продолжением нынешней системы массового производства и централизации.

А так как централизация предполагает «директора», то мы и окажемся очень далеко от личной инициативы.

Другие возражатели указывают мне по этому поводу, что существует отрасли промышленности, требующие известной централизаации, например, железные дороги и те отрасли промышленности, которые из нее вытекают: изготовление материалов, локомотивов и т. д.

Чего нельзя избежать, то придется терпеть, но еще вопрос, с чем именно придется мириться....

Далеко от меня желание пророчествовать! Но разве железные дороги сохранятся вовеки веков? Разве их значение не подорвано новыми формами движения?

Уже сейчас многие пользуются аэропланами. Это пока еще не причиняет ущерба движению по железным дорогам, но ведь перед нами сейчас только начало Путешествия на аэропланах несомненно разовьются.

Кроме того, уже сейчас существует безчисленное множество автомобилей, владельцы которых совершают путешествия собственными средствами. Только в ви-

де исключения, они путешествуют по железным дорогам.

Фабриканты автомобилей только-что организовали обслуживание местности, лежащей далеко от Парижа. Кажется, то же самое делается и в провинции.

Изготовляются также тяжелые грузовики, которые перевозят по шоссейным дорогам тонны материалов и продуктов. Все это — потеря для железных дорог. И, еще раз замечу, перед нами только начало развития этих отраслей промышленности.

Я отмечаю здесь только наиболее выдающиеся факты. Не только мы собираемся внести перемены, но и промышленность подготовляет перемены, которые сейчас находятся еще в зародышевом состоянии, но, тем не менее, осуществляются.

Мне возражают, что применение движущей силы требует об,единения усилий. Но уже сейчас энергию поставляют на дом. То, что нам кажется неприменимым сегодня, станет осуществимым завтра.

**
*

«Это не практично? Таково вечное возражение тех, кого пугает всякая перемена, грозящая нарушить их привычки.

« Ваши анархические идеи очень хороши, но пока еще неосуществимы. Нам придется пройти через промежуточное состояние, которое облегчит им путь», — говорят нам люди, готовые приспособиться к тому или иному режиму. На это другие, которые видят еще менее далеко, возражают, что идеи также должны созревать, и что нужно довольствоваться теми или иными безобидными реформами. С такими разсуждениями можно откатиться далеко назад.

Не подобает тем, кто убежден в превосходстве своих идей, выступать с доказательствами, что их идеи неприложимы во время преобразования общества. Разве это не значило бы разрушать всю их пропаганду?

«Практичны» или «непрактичны» идеи, которые мы выдвигаем — кто может это знать?

Если мы выдвигаем эту идею, то потому, что считаем ее хорошею и, следовательно, вся наша активность должна быть направлена к тому, чтобы она проникла в головы не только пропагандистов, но и массы. Мы должны раз'яснить ее так, чтобы она была хорошо понята и приобрести ей возможно больше сторонников, именно для того, чтобы она стала приложимой, когда придет момент потрудиться над «осуществлениями».

«Что будет возможно, что не будет возможно», когда вспыхнет революция, этого никто не может знать. Будем же работать над подготовкой того, что мы считаем возможным.

Еще раз: единственно верно то, что если мы считаем какую-нибудь идею хорошею, то она «должна» быть осуществимой, иначе она не была бы хорошею. Именно над осуществлением того, что мы считаем хорошим, мы должны трудиться путем пропаганды, стараясь привлечь возможно большее число сторонников.

Ибо в том то и дело, что в ходе революции осуществятся только те идеи, которые будут иметь много сторонников, способных действовать в недрах массы, которую они же подготовили заблаговременно, путем пропаганды своих идей.

Революция есть не более, как стадия эволюции, а эволюция движется только тогда, когда ее толкают в спину.

Ж. ГРАВ.

Крушение авторитарного социализма и пути к новой прогрессивной деятельности

В наше время несомненно существует глубокая пропасть между либертарными чаяниями и авторитарными фетишами, шарлатанами и жестокими, свирепыми людьми, которых массы во всех странах либо почитают, либо подчиняются им, либо, наконец, покорно, равнодушно и без разсуждения примиряются с ними, как с фатальной неизбежностью. Похоже на то, как будто век прогресса, начавшийся, приблизительно, в середине 18-го века, внезапно прекратился, после почти 180-ти лет развития.

Экономический кризис и грубая сила, употребляемая против всех либерально настроенных людей, даже вместе взятые, не могут полностью об'яснить это полное отречение современного человека от своих прав перед лицом возродившихся темных сил прошлого. Затруднения, бедствия, преследования, обычно пробуждают силы сопротивления, пробуждают мысль, обостряют чувства человеческого достоинства. На этот раз, однако, этого не случилось, или пока еще не наблюдается в сколько-нибудь заметной степени. Как можно все это об'яснить и что может быть сделано, чтобы помочь делу?

Продолжительное накапливание зол достигло, повидимому, такой степени, при который возник кризис, — кризис не экономических, естественных, сил, причиненный нуждою или катастрофами, а кризис моральных и интеллектуальных устоев. Это — кризис сил сопротивления всего общества. Природа подчинена человеку, техника достигла необычайной высоты, естественные запасы сырых материалов далеки от истощения, но морально люди сламываются миллионами и ползут под защиту ближайшего диктатора, мозгового треста или другого какого-нибудь самозванного защитника. Это явление может быть сравнено с дикой паникой стад животных, с паникой рогатого скота в швейцарских горах, например, когда животными внезапно овладевает паника, и они бросаются в пропасть. Можно также сравнить это явление с тем редким случаем среди людей, который произошел в 1789 году и получил название «великого страха»: вскоре после разрушения Бастилии в Париже необ'яснимые коллективные нервные припадки волною прошли по городам французской провинции, причем жители закрывали ворота, брали оружие и организовывали защиту против неизвестной и невидимой опасности. Лопнула струна, власть сошла с ума, и разрушение приняло мировые размеры.

Власть была величайшим врагом человека во все времена. Наконец, в середине 18-го века, после столь многочисленных отважных изолированных покушений, власть стала подвергаться коллективным нападениям целой фаланги мыслителей, целых наций, боровшихся за независимость. На власть стали нападать наиболее угнетенные классы населения, крестьяне и ремесленники, гуманные и преданные борцы во всех областях человеческой деятельности. Жестокие кодексы обычаев и привычек, религиозные оковы, извращенное воспитание, все было отметено или потрясено. Правда, все это делалось не повсюду, это верно, и об этом не следует забывать. Все же, это было сделано в наиболее развитых странах лучшими людьми, которые в то время внушали уважение также и многим из тех отсталых людей, которые до поры до времени стояли в стороне, выжидая, чтобы узнать, чем кончится великая борьба за прогресс.

Во второй половине 18-го века люди видели перед собой спасение ближе, чем когда бы то ни было раньше и, к несчастью, чем когда бы то ни было после того. Великие дела были совершены в те времена и позднее, но препятствия были слишком велики, полная победа была невозможна, и широкий мощный поток разбился на ручейки, быстро утратившие свою первоначальную силу. Препятствия

выросли снова и, наконец, достигли современных размеров, когда они закрывают путь к прогрессу почти с такой же силой, как и в минувшие века.

Быть может, не следует «плакать над разлитым молоком», но анализ причин великого заблуждения никогда не бывает неуместным, ибо враждебные силы редко бывают единственной причиной бедствий.

Ошибки делаем мы сами, хотя мы не всегда признаемся в этом. Признание ошибок может быть полезно, по крайней мере, тем, кто не желает повторять их, и кто не слишком горд для того, чтобы признать правильность старой поговорки: «лучше поздно, чем никогда». Очень часто мы пытаемся стать под защиту воображаемых причин, в то время, как ошибка находится гораздо ближе.

Особенно модно скрывать наши недостатки с помощью большого пыльного облака «экономических» доводов, которые во многих случаях имеют не больше значения, чем шаблонные извинения; тем не менее, доводы такого рода производят некоторое впечатление на людей, не имеющих возможности проверить их. Манипуляции «экономическими» доводами лишь умаляют и унижают нас самих и мешают нам видеть многие этические и интеллектуальные факторы, имеющие первостепенное значение.

Гуманисты и бунтари 18-го века ставили себе целью полное пробуждение, возрождение и освобождение человека. Они знали, что самые напряженные усилия необходимы и что к поставленной ими цели нет кратчайших, «царских», путей, нет единоспасающих средств в их распоряжении, что только тяжелой и настойчивой работой можно добиться осуществления цели, которую они выдвинули, как отважные пионеры. Они не создавали социалистических платформ и не возлагали своих надежд исключительно на трудящиеся классы.

Они знали, что борьба идет между развивающимися прогрессивными частями человечества и их вечными угнетателями и эксплоататорами—привилегированными и богатейшими элементами, в то время, как огромные массы неразвитых людей, жертв пренебрежения и лишений на протяжении веков, все еще лишены значения и обычно являются послушным орудием в руках власть имущих.

Эти массы все более тяготятся своей нищетой и застоем, но и до сих пор еще не настолько пробудились, чтобы быть решительными и способными сторонниками прогресса. Старый порядок был сильно потрясен в те годы. Значительные массы народа участвовали в этом, другие же стояли в стороне. Возможность новых привилегий, новых взяток, новой власти явилась и была с жадностью использована образованными, но низко стоявшими в нравственном отношении людьми. Результаты были неудовлетворительны и, например, во Франции, после многих под‘емов и упадков движения, периодов самой суровой диктатуры (Наполеон), мрачнейшего клерикализма (Людовик XVIII, Карл X), только июльская революция 1830 года повысила уровень современной жизни до той высоты, на которой она потом развивалась в течение века, вплоть до нашего времени, сопровождаясь дальнейшими под‘емами и упадками и предвещая такой же ход движения и в дальнейшем.

Великая борьба была действительно успешна там, где она велась непрерывно, как, например, в области науки. Наука была запрещенной книгой всего лишь несколько веков тому назад. Она была под властью религии, была обречена на застой в пределах учения Аристотеля и идей Библии, в руках рутинеров-компиляторов. Она завоевала полную свободу развития и выработала целесообразие инструментов и методов, разрослась во всех направлениях, проникла повсюду, создала чудесную технику и указала способы ее наиболее полезного применения.

Искусство также освободилось и разилось. Моральные путы были сброшены. Личная жизнь стала независимой, защищенной и во многих отношениях вылилась в новые формы. Но даже эти результаты, столь осязательно благодетель-

ное для всех, находятся в опасности теперь.

Наука работает теперь на службе у капитала или в интересах государств. Она унижена до роли орудия, совершающего «благородное искусство убийства», содействующего военным снаряжениям и приготовлениям к массовым отравлениям. Искусство — в руках спекулянтов, поставщиков для вульгарного массового заказчика. Оно находится в зависимости от финансовых интересов фабрикантов фильм и других таких же интересов, которые подвергают искусство цензуре худшей, чем цензура средних веков. Мораль и частная жизнь опять попали под контроль государства и организованных лицемеров. Даже человеческое тело, в прошлом остававшееся нетронутым, теперь подвергается принудительным операциям и калечению, по приказу стоящих у власти ханжей. Тем более должны мы ценить предыдущий период развития, по крайней мере 150 лет, приблизительно до 1900 года, когда наука, искусство, новая мораль и частная жизнь казались освобожденными навсегда.

Прогресс по необходимости шел значительно медленнее там, где дело шло о коллективных мероприятиях, зависевших не только от инициативы передовых людей, но бывших неотделимыми от искреннего содействия менее развитых и вовсе неразвитых людей.

Демократические учреждения были шагом вперед от абсолютизма, но когда избиратели отдавали свои голоса консерваторам и реакционерам, то они лишь утверждали власть реакции. Таким путем, действуя по указке своих же врагов, богатых классов, избиратели постепенно наново выковали для себя те цепи, от которых великодушный 18-й век освободил их.

Так обстояло дело во всех социальных вопросах: каждый шаг действительного прогресса принижался и искажался теми, кто не был достаточно умен, чтобы его использовать. Земельная собственность аристократии во Франции стала доступной для крестьян, но сделалась в значительной степени добычею новых спекулянтов, новых мелких монополистов, кулаков-крестьян, и они, стремясь удержать за собой приобретенную собственность, сделались самими горячими сторонниками наполеоновской диктатуры и открыли путь к высшей власти двум императорам: Наполеону I и III-му. Это урок в том смысле, что самые благонамеренные и разумные учреждения, реформы и т. д., на деле оказываются не имеющими прогрессивного значения, если их отдают во власть недоразвитых людей, не руководящихся волею к прогрессу и не вдохновленных чувством безкорыстия.

Анархизм мог лишь излагаться людям того времени в качестве высшего и ясного довода против государства и иной тирании и в качестве правильной линии нравственного поведения для свободных людей. Так поступали Дидро, Лессинг и некоторые другие мыслители.

Когда революция 1789 года во Франции приняла крупные размеры, но еще не окончательно попала под власть сменявшихся авторитарных партий, Вильям Годвин резюмировал все самое лучшее, что можно было посоветовать новообразующемуся свободному обществу в своей великой книге «Политическая справедливость», напечатанной в феврале 1793 года. В этой книге Годвин изложил гуманитарные, интеллектуальные, этические, социалистические и анархические идеалы своего времени. Много лет спустя, когда авторитарное направление революции стало ясным для всех, Сен Симон и Фурье формулировали свои взгляды на социальный прогресс, и первый из них обосновал свое учение на авторитарном базисе, так как он находился под сильным влиянием современной ему государственной, промышленной, финансовой и идеологической жизни, в то время, как Фурье, воздерживаясь совершенно от разсуждений на эти темы (хотя он чрезвычайно ими интересовался), предложил свой собственный проект дальнейшего развития, обоснованный вплоть до деталей на его личном

опыте и тонких наблюдениях.

Таким образом, идеалистический реализм Годвина не был использован в то время. Социализм начал распространяться во множестве различных версий, которые не могли придти и никогда не приходили к соглашению и единому пониманию. У большинства из этих ранних социалистов преобладал не научный дух, приветствующий параллельные попытки и поощряющий исследования, а теологический и пророческий дух, провозглашающий символы веры и убежденный в том, что пророчествует непогрешимую истину. Это ослабило влияние различных социалистических групп.

Стремясь противодействовать этому и не полагаясь лишь на своих убежденных сторонников, люди действительно проникнуты социалистическим сознанием (революционным или экспериментальным), стали возлагать свои надежды на большие группы людей — на весь рабочий класс, на народ, а также на своеобразно понятый ход развития, на исторические предвидения и т. д. Все это были по большей части очень умные разсуждения, но принять их можно было лишь в качестве гипотез. При том же эти гипотезы часто опровергались новыми фактами.

В таких условиях социалистические воззрения выражали в самом широком смысле личные желания, надежды и стремления тех, кто их формулировал. Их большее или меньшее распространение зависело больше от случайностей, определяющих степень популярности новых идей, чем от их внутренней ценности. Все то, что, в области науки, устраняет малоценные выводы и проверяет, усиливает и подтверждает истинно ценное достижение, здесь отсутствовало. Поэтому интеллектуальная разработка социализма развивалась очень медленно и сбивчиво, не говоря уже о препятствиях в виде предразсудков, преследований, об огромной роли личного элемента, несдерживаемых страстей и других чувств, увлекающих народные массы и членский состав организаций и толкающих их к одобрению предлагаемых им новых идей. Во многих случаях, каждый старался сделать все, что мог, но мнения и взгляды неизбежно оказывались негодными. Притом же, временное народное единодушие вовсе не является гарантией правильности нового плана.

Метод, к которому обращались некоторые с целью устранить неспособных, по их мнению, людей с помощью убийства, а также путем кажущихся опровержений и отвержений, оказался ненадежным. Маркс стал палачом по преимуществу, — тем человеком, который безпощадно уничтожал неправившиеся ему социалистические системы и заменял их все своими личными воззрениями. На протяжении всей своей жизни, он упорно понуждал других принять то, что было названо «Научным социализмом».

В сущности, как мы это теперь знаем во всех подробностях, после того, как пролит был полный свет на почти все события его жизни и на развитие его мысли, он целиком отверг социлаизм, как продукт сект, изобретателей, шарлатанов, и уверовал только в автоматическую эволюцию в том виде, в каком он ее изобразил уже в 1844 году. Он уверовал также в вероятность и неизбежность захвата власти, — в то, что в ходе эволюции такая возможность скоро представится рабочему классу, представленному или парламентарным большинством, или диктатурой.

Эта соблазнительная доктрина казалась привлекательной массам, которым оставалось только голосовать и присоединяться к организациям, а также многим честолюбивым людям, которым, таким образом, открывалась возможность обезпеченных парламентских карьер, а при случае и занятие государственных должностей и даже захвата диктаторской властти. Но эта доктрина была основана на отрицании подлинно социалистической борьбы, на пренебрежении к свободе, на пассивности неразвитых, но дисциплинированных масс. Такая доктрина никогда не может привести к социализму, а только к новой правительственной системе, с новыми господами, с новым высшим классом, которые

будут держать народ в постоянном повиновении, при содействии бюрократической иерархии, располагающей всеми средствами руководить жизнью народа в соответствии с желаниями правящего класса.

Такова нынешняя Россия, которая, хотя она и выкрашена в ярко-красный цвет, не является социалистической страной. И хотя Маркс был принужден устроить избиение социалистических теоретиков, путем литературных «опровержений», а марксисты вынуждены были вести с ними борьбу, путем кляуз и расколов в организациях, все же они теперь, когда государственная власть в их руках, принуждены к молчанию, если не вовсе искалечены физически и не уничтожены тюрьмой, ссылкой и казнью по способам царизма.

Таким образом, неполные формы социализма, т. е. такие формы его, которые не вытекают из свободы и не вдохновляются действительно прогрессиными побуждениями, либо вымирают, либо же поглощаются этим, так называемым, «научным социализмом». На деле этот «социализм» оказался могилою всякого социализма и ни к чему другому не мог привести, кроме как к диктатуре над всеми трудящимися массами, над всей жизнью народа, — ни к чему, кроме псевдо-социалистического царизма, который я описал выше.

Авторитарный социализм, таким образом, отвернулся от социализма и на много лет превратился в партию сегодняшних классовых интересов труда и, что менее подчеркивалось, стал партией завоевания классовой власти, отождествления рабочей бюрократии с государством. Для этого прилагались все средства, завоевание должностей в настоящем и будущем государстве или диктатура над рабочими, крестьянами и всем остальным населением, если представится благоприятный случай захватить абсолютную власть.

Не приходится удивляться, что к таким возможностям жадно стремились также и авантюристы из числа реакционеров. Они оказались удачливее бывших социалистов в деле создания и использования возможностей. Таким путем фашисты завладели властью в больших государствах Европы, оказали в той или иной степени содействие диктаторам во многих других странах и теперь неустанно работают, не меньше, и даже больше, чем так называемые коммунисты, с целью захвата полной власти над остальными странами. Они действуют с такой же развязностью, с какой пираты захватывают суда, или с какою тираны Возрождения захватывали высшую власть в итальянских городах, или как конквистадоры захватывали индейские государства в Америке 16-го столетия.

Маркс был в сущности первым Каином, убившим своих братьев социалистов «теоретически». Позднее, организованные социалисты сражались с анархистами и преследовали их и других независимых социалистов повсюду. Затем, некоторые из этих социалистов захватили высшую власть над огромной страной и превратили жизнь в ад для всех, кто не преклонился перед ними. А потом, эти другие элементы, сверх авторитарные фашисты одолели социалистов в их собственной игре, и фашистский железный горшок разбил марксистский глиняный горшок одним ударом, не встретив почти никакого сопротивления. Такой фатальный ход развития был неизбежным результатом всего хода развития, какой открывается теперь перед нашими глазами на протяжении почти столетия.

Мы дожили до того времени, когда каждое слово критических замечаний Прудона и Бакунина оказалось верным. Мы видим, как от государственного социализма осталось лишь государство, более сильно укрепленное и более порочное, чем когда бы то ни было, и как от властнического социализма осталась лишь власть, прибегающая к приемам возвращающим человека назад, в состояние рабства худшего, чем древний восточный деспотизм.

Социализм имел быть движением вперед, к светлому будущему, а на деле он создал для масс условия абсолютного рабства по образцу мрачных веков истории.

Если когда-либо был пример жестокой неудачи, то сейчас он превзойден перед нашими глазами. В узкой системе Маркса не было места для свободы. Для Ленина свобода была буржуазной идеей. В настоящее время запрещена даже мысль о свободе, а диктаторы стали привычными словами, домашними идолами, иконами, даже в стране, которая была свободней-шей из республик.

Не все потеряно, ибо сохранилось еще в человечестве много живых сил: их дело следить за тем, чтобы этот мрачный ночной кошмар остался лишь эпизодом в истории и не принес бы длительного ущерба человечеству. Это целиком зависит от усилий этих здоровых элементов. Они должны рассматривать положение холодно, реалистически, с полной надеждой. После всего, то, что назрело и вскрылось в наши дни, было лишь результатом уклона в развитиии человечества на протяжении долгого времени. Когда зародыши болезни проникают в тело, то болезнь развивается своим естественным ходом и не может быть устранена или избегнута, а должна дойти до полного созревания и кризиса, после чего пути разделяются и болезнь может одержать победу над ослабленным телом, или же тело, надлежащим образом укрепленное, может одолеть зло. На этой стадии развития мы достигли пределов авторитарного безумия. Справится-ли социальное тело с болезнью, или само будет пожрано ею и сгниет?

Если мы исследуем главные недостатки авторитарного социализма, то найдем, во-первых, что он пренебрег свободою во всех ее формах, сражался с нею и забывал, что человеческий прогресс обязан своим движением вперед свободной мысли, исследованию, опыту, активности, — одним словом, той либеральной среде, которая стала возникать начиная, приблизительно, с 1750 года в Европе и Америке. Если фашисты в настоящее время забрасывают либерализм оскорблениями, то они лишь повторяют то, что все эти социалисты делали раньше, на протяжении поколений, считая, что вечный вопрос о свободе разрешен тем, что они поносят либерального буржуа и «анархический безпорядок и хаос». Таким путем они восстановили рабство, сначала умственное, а потом физическое, к победе над которым прилагал все свои усилия в мысли и действии человек 1750, 1789, 1848 годов.

Второю фатальною ошибкою была вера, что старые учреждения могут быть пополнены новым духом и стать руководящим элементом нового общества. Это было, приблизительно, так же практично, как если бы какой нибудь город, переходя от газа к электричеству, вздумал сохранить и использовать газовые трубопроводки для проведения электрического тока. Ясно, что этого сделать нельзя и что старое устройство непригодно для новой цели.

Сколько бы социалистов ни посадить на государственные должности или даже на министерские должности, они попросту станут слугами государства, угаснут и перестанут существовать, как социалисты. Социалистический электрический ток не может проходить по газовым трубопроводкам старых учреждений. Таким путем социалисты превратили некоторых из своих лучших людей в посредственных бюрократов, светочи же менее крупных размеров, искавшие лишь рутинной работы, чувствуют себя дома на любой должности. Как торжествовали они, когда увеличивалось число их должностных лиц, и каким зловещим фарсом все это было на самом деле!

Они безнадежно запутали классовый вопрос. Им удалось превратить в своих худших врагов половину полезных производителей, крестьян, которые, в конце концов, сделались главной опорой реакции в большинстве стран. Со всей их самозванной «наукой» они никогда не знали, следует ли считать крестьянина производителем или эксплоататором, и следовало-ли дать им землю, или оставить ее в прежних руках, или же отнять ее у них. Не знали, следует-ли считать крестьян врагами, или друзьями. Там, где

они у власти, как, например, в России, крестьян то поощряют, то преследуют, их оскорбляют или им мстят, коллективизируют их, или поощряют индивидуальное хозяйство. Поистине, они не знают, что делать и никогда этого не знали.

Поэтому крестьяне, в сущности, никогда не знали, чего ожидать от социализма — разверстки или возможности свободного развития. Именно работе крестьян, на их участках земли, как бы заброшены и обособлены они ни были, обязаны города своими возможностями культурного развития, интеллектуальной и гражданской жизни.

Таким образом, крестьянин остался в огромной степени отделенным от современной жизни и приобрел особую психологию, ставшую, при нынешнем положении вещей, фактом, который делает его во многих отношениях недоступным для прогрессивных течений и доступным для консервативных влияний всякой реакции. Он глубоко не сочувствует всякому непрошенному вмешательству извне, всякому совету или принуждению, исходит-ли оно от друзей или от врагов.

Авторитарные социалисты никогда не обладали достаточным тактом, чтобы установить хотя-бы раговорные отношения с крестьянами, за исключением, быть может, немногих преданных народников, которые — по крайней мере, лучшие из них — сами стали почти крестьянами.

Либертарные социалисты, напротив, всегда имели широкие возможности придти к соглашению с крестьянами. Бакунин, воспитавшийся в деревенской обстановке, и Прудон, потомок крестьян, воспитавшийся в полукрестьянской среде, хорошо понимали крестьян, тогда как Маркс и Энгельс, родившиеся в семьях горожан, не научились понимать их как следует и не стремились к этому.

Кропоткин, итальянские и испанские анархисты, Реклю (родом из крестьянского огруга юго-запада Франции), все они были близки к крестьянам, понимали их нравы, уважали их независимость, не имели желания навязать им воображаемые выгоды какого-либо государства, даже социалистического государства. Они помнили о восстаниях в прошлом и возлагали свои надежды на восстания революционных крестьян. Так поступал Бакунин в Германии (1848), в России, в Италии и в Испании.

Четвертой большой ошибкой Маркса и Энгельса было то, что они действовали под впечатлением картин жизни рабочего класса, скученного на фабриках Манчестера в 1844—45 г. Рабочие представляли собой, по внешности, однородную массу, активную и, в те годы, организованную в тред-юнионах и в чартистских демократических союзах.

Эти союзы всегда представляли собою передовое меньшинство, а фабричные массы были разношерстным об'единением случайных людей, а не классово—сознательной организацией, обещавшей вскоре превратиться в пролетарскую армию, как воображали эти гости с континента. В действительности, отборные отряды рабочего класса действовали не здесь, а в Париже, где они появились в дни 1789 года и даже раньше, и где они часто отважно выступали в первых рядах.

Однако, широкие народные массы гораздо охотнее выступали там на следующий день после побед, одержанных активным меньшинством, и в праздничные дни, когда праздновалась победа и когда все чувствовали себя спокойными и в безопасности.

Представление о классе, как о сознательной прогрессивной силе, является оптической иллюзией. Буржуа также одержали свои победы благодаря активным меньшинствам, а не в результате массовой борьбы. Так же обстоит дело и с рабочими. Прогресс будет защищаться и двигаться вперед безкорыстными меньшинствами рабочих, крестьян, технических рабочих, буржуа и даже аристократов, в то время, как гораздо более значительное большинство этих же самых классов будет продолжать относиться к прогрессу с пренебрежением или будет противодействовать ему.

На мой взгляд, сейчас трудно определить, какой из названных выше классов или категорий выдвинет наибольший процент истинных друзей прогресса. Классовое происхождение не помешало Бакунину и Кропоткину стать революционерами, так же, как не мешает оно широким массам рабочих оставаться совершенно недоступными всякому передовому учению.

Пятой роковой ошибкой была и остается тотальность, которую провозгласили не только победившие в нескольких странах реакционеры, но которая стала неот'емлемым свойством также и всех социалистических исповеданий веры. Некоторая доля расплывчатой солидарности существует (или существовала) до тех пор, пока все бедны и безсильны.

Но как только какой-нибудь оттенок социализма одерживает победу, на сцену появляются исключительность, нетерпимость и тотализм: добыча оказывается принадлежащей только ему одному, а все другие оттенки оказываются врагами. Так собака свирепо защищает найденную ею кость против всех других собак. Так большевики, захватившие Россию в 1917 году, пользовались ею для себя, а другие социалисты, анархисты, революционеры всех оттенков, на протяжении столетия подготовлявшие эту победу неслыханными усилиями и жертвами, были устранены и вскоре стали врагами общества, которых начали преследовать. Там, где подобные анти-этические обычаи преобладают и не признаются печальными ошибками на протяжении 18-ти лет, там, конечно, не может развиваться нормальная общественная жизнь и страна обречена на то, чтобы быть населенной рабами и погонщиками рабов.

Маркс сам указал этот путь, борясь против всех других социалистов, пытаясь изобразить их нелепыми и достойными презрения. Но и до Маркса было много споров за преобладание и резкостей по адресу несогласных. Этот спор за преобладание был сектантским спором, а не спором, какой естественно возникает, когда различные мнения высказываются о новом, мало изученном, вопросе.

Путь к науке лежит в направлении к научным методам, а не в усилении соперничества и борьбы, или в провозглашении своих собственных мнений «научными» самым несговорчивым из всех социалистических спорщиков, каким Маркс был и оставался всю свою жизнь. Такого рода социализм стал, в конце концов, верою, пропагандируемою фанатиками. Так создавалась монополия мнений, приводившая к остановке развития и обречению на свержение ее людьми еще более фанатичными. Именно это и случилось, в большом масштабе, с марксизмом.

Да будет это достаточным, чтобы показать безнадежную недостаточность авторитарного социализма, его contradiction in adjecto, живое противоречие, — ибо свободная общественная жизнь и власть совершенно несовместимы. Теперь взглянем на не-авторитарные формы социализма. Они встретили помехи на пути своего развития со стороны властников, а также со стороны тех пережитков властничества, которые живут в нас, продуктах нынешнего времени, сознаем-ли мы это или не сознаем. Следовательно, то, чт было или могло быть сделано до сего времени, — лишь шаги в правильном направлении, усилия найти правильный путь; ничего определенного, ничего такого, что мы могли бы изобразить, как готовое лекарство. Мы не настолько тупы, чтобы верить в универсальные средства от болезней. Об этом должны помнить все те, кто намерен спросить нас, каковы наши планы и платформы, практические шаги и проч. Пусть спрашивающие обратятся со всеми вопросами в лавочку диктатора, через дорогу: у него все это готово, на складе, в бутылках и пилюлях, — мы же этого не имеем.

Кто прогрессивно настроен и понимает, каковы пути успешной деятельности во всех областях, знает, что всякую хорошую вещь нужно изучить, испытать, применить, ибо воспитание лежит в основе всякого искусства. Кто говорит, что современная

жизнь движется более быстрым шагом, тот является лишь несчастной жертвой механизации нашего времени в интересах капиталистического производства, государственных армий и производства промышленных рабочих - автоматов. Если человек, брошенный в этот водоворот, не обладает крепкой моральной и интеллектуальной закваской, чтобы сопротивляться и воспитать себя, чтобы снова стать свободным — он погиб: он превратится в пыль под пятою диктаторов. Можно спастись лишь в том случае, если двигаться более медленным шагом.

Если бы это делали многие, то ускоренное развитие механизации натолкнулось бы на недостаток в человеческом топливе, механизм стал бы вертеться в пустоте и остановился бы. Напротив того, дальнейшая механизация за счет человеческих мозгов и нервов может создать лишь безнадежных калек миллионами и сделать их жалкими рабами сильных поколений погонщиков рабов, небольшого числа экспертов техников и привилегированных искусных механиков, а также большого числа свободных от труда капиталистов. Таким образом те, у кого наберется достаточно энергии, чтобы стоять в стороне от этого бега к гибели, будут чувствовать себя как бы в тихом пристанище, если они начнут знакомиться с некоторыми произведениями свободного социализма. Примутся-ли они за чтение замечательных избранных сочинений, или брошюр Вольтерины Деклер, или последних томов труда Элизе Реклю «Человек и Земля», или некоторых произведений Бакунина, или прекрасных произведений Кропоткина, или богатых фактами и идеями брошюр Малатесты и других писателей из числа тех, которых можно назвать «классиками анархизма», — они почувствуют себя на новой земле, в новом мире.

В этих основных книгах прочтите с надлежащим вниманием о тех условиях места и времени, в которых они были написаны.

Эти книги дают не только печатное изложение учений и прямые указания, — они описывают также обширное поле анархической мысли, трудности, встречаемые в деле разработки этих идей в условиях авторитарного мира. Внимательный читатель научится независимо мыслить и разовьет в себе стремление к высокому строю чувств. Интеллектуальная честность и этическая ценность этих книг огромна, хотя основные мысли и результаты должны быть открыты для критики во всякое время. Даже если авторы, сами будучи пропагандистами, иногда как будто стремятся одолеть читателя путем убеждающего красноречия, все же читатель не должен поддаваться этому влиянию ,а должен пытаться, путем самостоятельного изучения, выработать в себе способность к самостоятельному суждению и плодотворной критике. Что касается брошюр, то они также часто являются «классическими». Иногда их ценность менее значительна — тем более необходимо подвергать их критике.

Правильный путь, как мне кажется, состоит в том, чтобы начинать с лучших книг, которые следует читать очень усердно. Затем следует читать другие хорошие книги общего содержания, а потом, накопив некоторый опыт, нужно прочитать самые лучшие большие книги наново, и тогда они будут лучше поняты и более критически продуманы. Только после этого можно приняться за чтение брошюр и газет со смыслом и пользой, и лишь тогда чтение оставит по себе более прочные следы, чем мимолетное ознакомление с ними. Тогда станет понятно почему анархисты не занимаются составлением подробных планов и тому подобное: их легко составлять, опираясь на поддержку власти и на общественные фонды; — все же анархисты имеют много чего сказать народу о настоящем кризисе. Однако, после того, как этическое и интеллектуальное содействие было ему оказано и сделало его восприимчивым к новым идеям, читатель должен сам поразмыслить и действовать, индивидуально и коллективно.

Нельзя ожидать, что ряды либертеров, разреженные систематической обструкцией авторитарных социалистов, повсе-

местными преследованиями со стороны власти, а также отходом некоторых к тому, что я считаю полурешениями и неосуществимыми решениями, быстро будут заполнены.

Предварительно необходимо серьезно приступить к делу. Это применимо в равной степени к повторным попыткам во всяком либертарном и гуманитарном деле, во всякой форме добровольной прямой активности, индивидуальной и коллективной.

На протяжении столь многих лет политика властников состояла в том, чтобы преуменьшать значение таких попыток, требовать доверия только к тоталитарной активности в крупном масштабе, — такой деятельности они и сами никогда не умели создать, но они косвенно вдохновляли широкие массы неразвитых людей с авторитарными наклонностями. Теперь эти массы пошли дальше своих вдохновителей и нанесли им столь многозначительное поражение. Кооперация, хотя бы лишь в деле распределения, а не производства, является одним из немногих достижений добровольного характера, которые не погибли под этим сокрушительным натиском на социалистов.

Много других добровольных движений, однако, были таким путем остановлены. Их задача теперь в том, чтобы снова подняться, ибо их дело — доброе дело, и это никогда не было опровергнуто, им только придали вид незначительных движений перед лицом авторитарного хвастовства, угроз и неосуществленных обещаний. Истинно хорошие движения такого рода не становятся устарелыми и ненужными лишь в силу того, что разговоры об эволюции начинают вести люди, которые были и остались неподвижными и окаменевшими, как, например, авторитарные социалисты. Маркс никогда ничего не создавал и стал известен лишь благодаря тому, что уничтожил все вокруг себя и оказался социалистическим Геростратом, изолированным от всех. От всего им сделанного ничего не осталось, и настоящая работа должна быть начата вновь, с надеждой и волей.

Легко было бы восторжествовать победу, отбросив все эти разсуждения и доводы— разумеется, открытые для критики — путем возражений экономического характера, т. е. путем указания на то, что эти разсуждения не указывают немедленных экономических средств выхода из кризиса,— или путем возражения в том смысле, что люди в настоящее время слишком измучены и бедны для того, чтобы посвящать свое время и мысли интеллектуальному и этическому воспитанию и совершенствованию, — или путем возражений, основанных на ныне существующих отношениях, там и здесь сохранившихся между либертерами и властниками там, где последние оставили за собой свободу действий).

Такие отношения всегда были неискренними и не приводили к цельному пониманию, которое в сущности невозможно, — разве лишь, если либертеры уступят во всем.

Этот вопрос слишком значителен и серьезен в наше время для того, чтобы смягчить его постановку. Властники всех оттенков, реакционеры и большевики развернули свое пиратское знамя и ведут аттаку на все человечество, стремясь уничтожить все плоды славного периода человеческого прогресса, золотой интеллектуальный век человека.

От либералов до либертеров, каждая мыслящая голова, каждое чувствующее сердце и сражающаяся рука должны теперь чувствовать, что они призваны сопротивляться, устраняя все те пустяковые разногласия, которые разделяют их перед лицом действительной опасности.

АКРАТА.

13-го мая 1935 г.

М. РУБЕЖАНИН.

Древне-римские диктаторы и мы

2. Юлий Цезарь (100 - 44 до Р. Х.)

(Окончание)

В Риме Цезарь был полный господин, держал себя вызывающе и всем давал понять, что времена республиканских вольностей канули в вечность, что нет ничего выше его воли и желаний.

Когда во время одной из триумфальных процессий народный трибун Понтий Аквилла не поднялся с своего места при проезде мимо него колесницы Цезаря, последний свирепо закричал по адресу трибуна:

— Попробуй-ка, Аквилла, отнять у меня назад республику, ты, дерзкий трибун!

Этого неуважения к себе Цезарь долго не мог забыть, и к своим обещаниям с иронией прибавлял: — «в том случае, если это позволит мне Понтий Аквилла».

Обезличенный и послушный сенат больше всего занимался возвеличением и восхвалением Цезаря. Его об'явили несменяемым консулом (консул избирался на один год), пожизненным диктатором и цензором общественной морали (это — «плешивого прелюбодея» с противоестественными наклонностями, от которого благонравные мужья прятали своих жен).

Но всех этих почестей оказалось недостаточно и посыпались новые: Цезаря все тот - же холопствовавший сенат наградил титулом императора, присвоил ему звание «отца отечества», поставил его статую среди королей и поднял выше ложу в театре. В сенате и в других местах ему соорудили золотые троны.

На всем этом не отановились и пошли дальше: Юлий Цезарь был об'явлен богом. В честь новоявленного божества появились храмы с алтарями, статуями, жертвоприношениями, священнослужителями, создавшими новый религиозный культ. Месяц «квинтилис» переименовали в Юлий, и июлем он называется и до сего времени. Юлианский календарь, все еще известный в наше время, того-же самого происхождения.

Над римскими законами и традициями Цезарь издевался: он назначал и смещал консулов (в одном случае консул был назначен только на один день в насмешку над этой прежде высшей государственной должностью по избранию). В чиновники и сенаторы ставил полудиких галлов и назначал командирами легионов даже бывших рабов.

Фашисты и националисты идеализируют Цезаря, как созидателя большой империи, проникнутого чувствами государственности, чуть-ли не обожествлявшего государство. Но все это легенды, творимые не в меру усердными почитателями Цезаря. Последний был далек от чувств, обуревающих наших патриотов и националистов. Разрушая веками сложившиеся республиканские традиции, законы, понятия и обычаи, Цезарь именно уничтожал свое, национальное, народное и насаждал чуждую древнему Риму монархическую форму правления, противные римскому духу идеи единовластия и абсолютизма.

Именно римская национальная республиканская идея приносилась в жертву некоему интернационализму - цезаризму, опиравшемуся и на полудиких галлов, и на варваров - германцев, и на бывших рабов, попавших в Рим из Азии и других мест.

И Светоний с возмущением замечает, со слов Тита Ампия, что Цезарь очень непочтительно отзывался о государстве, которое «собой ничего не представляет, кроме имени без организма или формы».

Менее лицемерный наших государственников Цезарь прямо говорил, что «его слово должно считаться законом».

Диктатура Цезаря с перерывами продолжалась более 5-ти лет с момента восстания — 7-го января 49 г. до Р.Х. — вплоть до его убийства — 15-го марта 44 года до Р.Х. Полнотой власти Цезарь наслаждался, однако, не более шести месяцев, после окончательного разгрома всех своих оппонентов и возвращения из Испании. Как-бы предчувствуя роковую развязку, Цезарь перед вступлением в Рим, 13-го сентября 45 года до Р.Х., написал духовное завещание, назначив главным наследником колоссального состояния внука своей сестры Октавия, впоследствии ставшего императором и диктатором под именем Августа. В завещании также были упомянуты и некоторые имена будущих заговорщиков.

Как уже было сказано выше, холопство приближенных Цезаря превзошло всякие границы. Его провозгласили Юпитером - богом, но и этого льстивым царедворцам казалось недостаточно для угождения своему кумиру. Антоний — этот злой гений Цезаря — как-бы угадывает тайные желания своего патрона, и делает попытки провозглашения его королем. Цезарь колеблется, отстраняет от себя Антония, пытавшегося возложить на его голову королевскую корону, и произносит известные слова: «Я не король, а Цезарь». Все эти выходки глубоко взволновали республиканский Рим. Диктатура, конечно, плохая вещь, зло, но явление временное, преходящее. В представлении-же римлян королевская власть, это — самый худший вид тирании и деспотизма. Рим ненавидел монархизм и не терпел королевскго духа. Сенатом был проведен даже закон о том, что королям в‘езд в Рим воспрещается, за исключением тех случаев, когда их привозят в качестве пленников, которых обыкновенно умертвляли после триумфального в‘езда римского полководца, победившего короля.

Замыслы Цезаря встревожили весь республиканский Рим. Светоний говорит, что даже плебеи всполошились и были недовольны существующими порядками. И народ и патриции тайно и явно говорили о необходимости сопротивления тирании и защиты свободы. Назначенный Цезарем на три месяца консул, при появлении в сенате, был встречен криками: «Он—не консул». На статуе Луция Брута, изгнавшего первых римских королей, появилась надпись: «О, если-бы ты был теперь жив!» Надпись на статуе Цезаря гласила, что «первым римским консулом был Брут, изгнавший королей; Цезарь-же, изгнавший консулов, в конце концов станет королем».

В Риме циркулировали упорные слухи, что Цезарь намерен перенести столицу империи из Рима в Александрию, жениться на своей прежней зазнобушке — египетской королеве Клеопатре, перевести туда все государственные рессурсы, обложить высокими налогами Италию и превратить Рим на положение подвластного города. Говорили также, что на следующем заседании сената будет об‘явлено решение колледжа пятнадцати священников, заведующих Сибилльскими книгами, в которых предсказывается, что парфяне в Центральной Азии могут быть побеждены только королем. А так как Цезарь собирался против них в поход, то для успешности предприятия он и будет сенатом об‘явлен королем.

18-го марта 44 г. Цезарь должен был покинуть Рим во главе войск, посылаемых в Азию против парфян. Заговорщики больше не могли медлить: Цезарь, снова превратившийся в военноначальника, под охраной солдат был-бы недосягаем для них. С другой стороны Цезарь, придерживавшийся поговорки, что «лучше умереть раз, чем всегда жить в страхе перед смертью», игнорировал всякие предупреждения о заговорах на его жизнь и появлялся в публичных местах без всякой охраны.

Вечером, накануне убийства — 15-го марта 44 года до Р.Х., — Цезарь в гостях у Лепида в разговоре о том — «какая смерть лучше» — высказался о предпочтительности неожиданной смерти. В гостях Цезарь находился вместе с приглашенным им интимным «другом» Дицемием

Брутом, одним из главных заговорщиков, вонзившших на другой день кинжал в грудь диктатора.

По предположению историков, знаменитый оратор Цицерон был если не душой и вдохновителем заговорщиков, то во всяком случае заранее знал о подготовляемом нападении на Цезаря. В заговоре приняло участие 60 человек, преимущественно патрициев, приближенных и самых близких друзей Цезаря. Децемий Брут принадлежал к числу старых «друзей», пользовавшихся неограниченным доверием. В роковой день именно он уговорил колебавшегося Цезаря явиться на заседание сената перед своим походом на парфян. Хотя и с опозданием, но Цезарь прибыл в сенат. Сенаторы встали перед своим повелителем. Диктатор уселся на золотом троне.

Сейчас-же вокруг него столпились заговорщики. Тилий Цимбер, под предлогом ходатайства за ссыльного брата, приблизился к Цезарю и «умоляюще» взял его за руки. Сзади к Цезарю подкрался Каска и, когда Цимбер, ухватился за тогу Цезаря, чтобы парализовать действие рук, Каска нанес ему первый удар кинжалом. Это был сигнал для нападения остальных заговорщиков.

Цезарь вскочил с своего трона и закричал. Против него поднялись десятки рук с кинжалами, осыпавшие его ударами. Он успел только уколоть стилусом (стальным пером) одного из заговорщиков. Сопротивление было безнадежно. Он покрыл голову тогой, и, подпираемый заговорщиками, сошел с тронного возвышения, замертво упав у статуи Помпея, погибшего от его руки.

Цезарю было нанесено двадцать три кинжальных раны. В числе заговорщиков оказался Марк Брут, любимец Цезаря, как предполагают незаконно - рожденный сын его.

Когда он поднял кинжал на своего отца, Цезарь по преданию историков, будто-бы воскликнул:

«И ты, Брут, — мой сын?!»

Цезарь был убит на 56 году жизни. Зала, в которой его убили, была замурована. 15-ое марта было об'явлено «Днем отцеубийства», в который воспрещалось созывать заседания сената.

Профессор Фоулер очень огорчен убийством Цезаря, которое, по его словам, Гете называет «бессмысленным актом». Оно бесполезно, говорит почтенный профессор, потому, что не спасло Рим от монархии. Цезарю, почти пять лет затратившему на борьбу с своим собственным народом, на ниспровержение великой римской республики, истребившему сотни тысяч людей и обескровившему свою собственную страну, историками типа Фоулера прощаются и отпускаются все грехи и преступления. Вульгарная толпа и услужливые историки обожествляют злодея, простираются ниц перед величайшим политическим разбойником.

И напрашивается другой вопрос — спасли-ли римскую империю от развала и разрушения цезаризм, диктаторы и короли? Если верно, что монархизм, централизм и деспотизм самые лучшие средства сохранения и цементирования частей одного большого государственного целого, то почему погибла великая римская империя, созданная республиканским Римом и попавшая под пяту императоров — диктаторов?

М. РУБЕЖАНИН.

ДЕНЬГИ И ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ

Существует широко распространенное мнение, что деньги представляют собой богатства, капитал; капитал-же есть произведение или результат труда, и поэтому деньги представляют собой труд. Но так ли это на самом деле?

Буржуазная наука говорит нам, что деньги не содержат в себе ничего несправедливого или вредного, ибо они необходимое условие нашей социально - хозяйственной жизни. Деньги предназначены для обмена, для платежей, для совершения кредитных сделок и т. д.,; денежная система — одна из основ капиталистического строя. И главными факторами во всякого рода денежных оборотах являются земля, труд и ценность.

Понятно, что деньги сами по себе не содержат ничего неестественного или несправедливого: деньги — кредитки и звонкие монеты: медь, серебро, золото — невинные бумажки, безобидные металлы. Но этот металл, к несчастью, распределен самым вопиющим и несправедливым образом: маленькая кучка богачей обладает колоссальными богатствами, в то время, как широкие массы бедного народа ограничиваются жалкими крохами; незначительное меньшинство денежных тузов живет в роскоши и неге, большинство же бедных людей прозябает в нужде, голоде и страданиях. Несправедливость такого общественного порядка вещей заключается еще и в том, что обладатели или собственники капитала не являются производителями труда, так как сами-то они не производят, не трудятся, а пользуясь людской нуждой, стараются посредством угроз и насилия заставить других работать. Безошибочно можно сказать, что там, где есть порабощение человека, т .е. навязывание нежелательных для него условий и исполнение нежелательных действий или поступков, то причиной этого является насилие, имеющее в своей основе угрозу, лишения человека необходимых жизненных потребностей. Если человек отдает весь свой труд другим, плохо питается, живет в скверных условиях, как это вообще происходит в настоящее время с огромной частью трудового человечества, то делает он это потому, что своим нежеланием исполнить ту или иную работу, те или иные обязанности, он рискует вызвать со стороны капиталистов и сильных мира сего угрозу наказания в смысле лишения его работы. А потеря работы в перспективе означает голод, страдание, смерть.

В древние времена употреблялся примитивный способ порабощения людей, состоявший в прямой угрозе убийства мечом. Вооруженный, например, говорил безоружному: «я могу поступить с тобой, как поступил с твоим братом — убить тебя. Но я не хочу сделать этого, — я милую тебя, ибо мне выгоднее будет, чтобы ты работал на меня. Итак, делай все, что я велю и приказываю, а если ты откажешься, я убью тебя». И безоружный подчинялся вооруженному и исполнял все то, что последний приказывал. Но этот способ неудобен для насильника, ибо ему приходится, с одной стороны, кормить и одевать своих рабов, а с другой стороны — с угрозой убийства безпрестанно охранять порабощенного. И постепенно, с развитием капиталистически - денежного хозяйства и усложнением жизненных условий, старый способ видоизменяется и уступает место новому средству. Это средство— голод, а его результат наемное рабство, на котором держится жизнь современного буржуазного общества.

Одним из самых непосредственных и близких спутников капиталистического общества является дороговизна предметов, т. е. поднятие цен на одежду, обувь и продукты первой жизненной необходимости. Дороговизна жизни, широкой волной разлившись по всей стране, является в настоящее время главным бичом рабочих и вообще бедных людей, ибо несмотря на увеличение заработной платы, рабочим недоступны многие необходимые продукты— и в результате рабочий еле сводит концы с концами влачит полуголодное существ-

рование; еще хуже, понятно, положение безработных. Получаемая рабочим заработная плата всегда зависит от состояния цен на жизненные продукты: чем больше он получает, тем больше он платит. Затем, чем больше капиталист наживается, тем больше дорожает жизнь, но тем больше недоедает рабочий, и на почве недоедания и голода в его среде развиваются всевозможные преступления, пороки и болезни.

Некоторые рабочие, забитые нуждой и страданиями, безразлично относятся к своей судьбе и считают, что все так и должно быть, т. е. что богатый, который не трудится, который ничего не делает, кроме обирания рабочего, должен хорошо жить, вкусно питаться, а рабочий, который всю свою жизнь трудится и создает богатства, должен голодать и жить в нищете, — такой порядок, мол, существует давно и мы его не изменим; пусть идет как идет... Таких забитых и малосознательных рабочих, к сожалению, еще много. Но есть и другие. Есть такие рабочие, которых все эти разсуждения часто волнуют и приводят в бешенство, так как они ярче указывают на темноту и невежество, существующие среди рабочих. Они не только не соглашаются с ними, а наоборот, понимая причины своего ненормального положения, распространяют всюду семена недоверия и ненависти к капиталистам и их несправедливому буржуазному строю. Для них ясно, что все их несчастье находится в непосредственной связи со счастьем других, т. е. счастье и благополучие богатых построено на их несчастьи, на их бедствиях и страданиях.

Правда, таких людей сравнительно немного, но число их с каждым днем растет все больше и больше. Мы замечаем, что эти люди, недовольные несправедливым порядком, при котором им приходится трудиться и жить впроголодь, поднимают свой голос протеста и возмущения, и часто ведут за собой недовольных. Очень часто случается так, что небольшое, на первый взгляд, возмущение постепенно или ускоренным темпом разростается и принимает широкие размеры социального взрыва, доходя порой до массовых бунтов и революций и неся с собой, с одной стороны, коренную ломку всей экономической и социальной жизни, а с другой — здоровые семена нового учения о справедливом общественном строе.

Если внимательно вникнуть в историю крупных народных волнений и революций прошлого и настоящего века, то можно заметить, что большинство из них, являясь результатом общего угнетения народных масс, в самом начале своем имели характер мелких голодных бунтов и только впоследствии, из чисто местных и стихийных, эти бунты превращаются в широкие общенациональные революции, стремившиеся не только к осуществлению мелких задач, но к завоеванию хлеба и воли в самом широком смысле, т .е. к разрушению старой капиталистической системы и построению свободного строя жизни. Таковыми были революции во Франции, Италии и России, где они начались с мелких голодных бунтов. И Америка, возможно, не избежит своей участи: депрессия и безработица, спекуляция и вздувание цен на многие продукты достигли здесь таких размеров, что они вызовут естественное возмущение бедных рабочих масс. Это тем более вероятно, что с отменой «Эн Ар Эй» положение рабочих еще больше ухудшилось благодаря именно снижению заработной платы, увеличению рабочих часов, увольнению юнионных рабочих и служащих и вообще экономическому угнетению беззащитных рабочих со стороны поднявших голову капиталистов.

Враги рабочих — капиталисты и их прислужники, те, кторые сами ничего полезного не производят, но, подобно паразитам, пользуются всеми благами в жизни, стараются уверить рабочих, что частная собственность священна и неприкосновенна, и что всякий, посягнувший на право частной собственности, есть преступник. «Лучше умирать с голоду, чем брать чужую собственность» — так говорят рабочим капиталисты и их защитники. Но разве самоубийство на почве го-

лода не есть преступление? Разве нуждающиеся голодные рабочие не портят свою жизнь и здоровье постоянным недоеданием? Отказать человеку в хлебе, в пище; отказать ребенку в молоке или матери в прокормлении ребенка, — разве все это не есть преступление? Пусть только враги рабочих раз почувствуют острую боль нужды, голода и страданий и они перестанут болтать о неприкосновенности и священности частной собственности, той частной собственности, которая есть в сущности насильственной грабеж со стороны капиталистов и власть имущих. Кроме человеческой жизни, нет и не может быть ничего более священного!

Имеют-ли рабочие работу или нет; высоки-ли цены на жизненные продукты или нет, — жить и питаться они должны всегда и при всех условиях! И если современный капиталистический строй устроен так, что он отказывает рабочим во всем необходимом, то священный долг рабочих—бороться, завоевать все необходимое для жизни, ибо капиталисты — и крупные и мелкие — и их защитники-спекулянты виновны в теперешней дороговизне и ее бедственных для рабочих последствиях.

Деньги и дороговизна жизни имеют то общее между собой, что они удобное средство для богатых держать народ в нищете, ибо там, где есть богатые и бедные, господа и рабы, там деньги не представляют собой труда, а наоборот, являются результатом насилия и грабежа. Это средство в особенности часто разоряет рабочих, когда они, после ряда энергичных и успешных забастовок, добиваются небольшого улучшения своей незавидной жизни. Благодаря этому, дороговизна жизни и связанные с ней голод и страдания рабочих очень частые явления в современном капиталистическом обществе. Но для того, чтобы эти явления не повторялись каждые несколько лет, необходима борьба не за полумеры и паллиативы, не изменяющие корня зла и не помогающие рабочим, а борьба за полное достижение рабочими своей конечной цели — разумно устроенного анархо - коммунистического общества, в котором деньги и дороговизна потеряют свое значение и исчезнут вместе с другими бедствиями капиталистического строя. Только в таком обществе люди будут свободны от эксплоатации, наживы и прибыли и смогут трудиться сообразно своим силам и способностям и получать для жизни сообразно нуждам и потребностям.

Л. ЛИПОТКИН.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

КРОПОТКИН И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

«Любовь к истине уже составляет добрую половину — лучшую половину — всякого нравственного учения».

П. А. Кропоткин.

В испанском анархическом журнале «Ла Ревиста Бланка», № 261 появилась статейка без подписи, в которой автор старается установить позицию П. А. Кропоткина в Российской Революции, в связи с одной моей статьей о причинах неудачи этой Революции. Ответом на это была эта статья, которая, думаю, не будет безынтересной и для российских анархистов. Особенно для тех, которые хотят учиться на опытах прошлого.

Не менее интересно будет познакомиться со взглядами П. А. на Российскую Революцию, тем паче, что имеется немало именующих себя анархистами, которые всякую отсебятину стараются выдать за анархизм, на каждом шагу выставляя себя истинными выразителями идей Кропоткина и Бакунина. Еще больше, они ясно покажут, что прав был не Маркс и Ленин, а Кропоткин в его отпределении революции 1917 года и тех результатов, к которым приведет эту революцию диктатура и арторитаризм.

Не менее интересно также то, что оно сможет помочь многим уяснить себе сущность общественных событий, которые развернулись в мире в последние десятилетия. Что человечество идет по пути к переустройству общественной жизни. Но что не всякая революция может служить для пользы человечества и что перемена личностей во власти ничего общего с социальной революцией не имеет.

Причем взгляды П. А. будут изложены его же словами. И если даже многие места из приводимых здесь писаний и знакомы читателям, повторное чтение их всегда будет полезно и поучительно.

***

Кропоткин вернулся в Россию в июне 1917 г. и после некоторого отдыха, отдался общественной деятельности, особенно созданию партии федералистов, для которой лично составил устав.

Благодаря его отношению к войне, которое он продолжал отстаивать до самой смерти, он сильно расходился с широким анархическим движением, которое было против продолжения войны, и стоял в стороне от него. А отдельные товарищи, посещавшие его, сильно сталкивались с ним на почве отношения его к войне. Но почти всегда эти дискуссии заканчивались миролюбиво, ибо, прежде всего, Кропоткин был анархистом и, следовательно, терпелив к чужим мнениям и взглядам.

Но интерес Кропоткина к развивающимся событиям революции был неограничен, и он не переставая следил за всеми явлениями, как в анархическом движении, так и в самой революции. Неоднократно прибегали к его советам министры Керенского в вопросах экономических, но П. А. категорически отказывался от предложенного ему министерства, заявляя, что «я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным, чем быть министром».

Но несмотря на все это, когда было созвано Всероссийское совещание, Кропоткин фигурировал среди немногих специально приглашенных, на котором он произнес нашумевшую в свое время речь о войне. Это его еще более отдалило от революционных анархических масс, так как он в ней отстаивал необходимость продолжать войну.

Мне удалось читать целый ряд писем Кропоткина о войне к его друзьям, и во всех письмах он отстаивал необходимость довести войну до победного конца. А в своих примечаниях на страницах «Новые Времена», в котором Ж. Грав публиковал письма Кропоткина о мировой войне, он сделал целый ряд крайне интересных замечаний, многие из которых были в последние

годы подтверждены фашистской действительностью.

В некоторых из них он доходит до утверждения, что война между Германией и Францией была в действительности войной между государственностью и свободным союзом, и что Германия, несмотря на свои социалистические и коммунистические партии с миллионами членов, продолжает быть страной реакционной и монархической. И поэтому нужно быть благодарным немецкому народу, что он хотя-бы терпит республиканский режим, навязанный ему Францией и ее союзниками. Недоверие к немецким массам, воспитанных в империалистическом и авторитарном духе, проглядывает в них на каждом шагу, которое все почти сводится к знаменитой фразе Бакунина: «Каждый немец носит в своей душе своего собственного жандарма».

***

Когда совершился Октябрьский переворот 1917, Кропоткин жил в Москве, и, услыхав первый орудийный выстрел, он произнес в присутствии некоторых старых анархистов свою знаменитую фразу: «Это хоронят русскую революцию».

На высказанное некоторыми присутствовавшими удивление по поводу этой фразы, он об'яснил, что революция для того, чтобы быть полезной народному делу и прогрессировать, должна отделаться от всяких правительств, или по крайней мере, чтобы существующие правительства были слабыми и не находили моральной и физической поддержки в массах. Ибо когда популярные политические партии берут власть в свои руки, они неизбежно превращаются в хозяев положения, уничтожают частную инициативу и активность масс поместно, и отдают их в руки бюрократов, избранных, что неизбежно ведет к смерти революции и революционного дела.

После октябрьского переворота Кропоткин видел ясно, что революционные усилия народных масс отводились в правительственные и государственные русла и в сторону от идеалов, вдохновлявших массы вначале революции. И он постоянно указывал и энергично настаивал на необходимости оставить игру во власть и фундаментальную начать реконструкцию экономических основ жизни страны на началах безвластия.

***

Когда через некоторое время во власти укрепились большевики, Кропоткин с изумлением увидел, что те, которые руководят судьбами Российской революции, окончательно лишены нравственно - возвышенного идеала, и что интересы партии и власти стоят над интересами переустройства общественной жизни.

И Кропоткин начал свою незаконченную статью: «Идеал в Революции», которая в особенности теперь, когда мир бьется между социальной революцией и фашистской реакцией, крайне интересна и поучительна и дает полное представление о том, как понимал Кропоткин Российскую революцию и роль идеала в революции.

«Идеал в Революции».

«Во всемирной истории выступает один ярко определенный факт. За последние три столетия, через каждые 130-140 лет, в какой нибудь из европейских стран совершается крупная революция, которая затем на следующие сто с лишним лет... дает направление прогрессивному развитию мысли.

«Отбрасывая более ранний период и начиная с английской революции 1648 года, мы видим, что Англия вплоть до французской революции дает более передовым странам свой лозунг: полная религиозная свобода, право каждого толковать библию, как он ее понимает; развитие свободных местных городских и земских учреждений — приход, как основная местная единица — и конституционный образ правления. Этими лозунгами вдохновляются на той стороне океана молодые английские поселения Северной Америки, а в Европе философия шотландских энциклопедистов, а затем и целая страна — Франция.

«В 1789 году начинается во Франции ее большая революция, и она не только принимает лозунги, выставленные Англи-

ей, но и со свойственной французскому уму логикой, т. е. последовательностью и систематичностью, старается провести в жизнь «Права Человека» — т. е. политическое равенство всех перед законом, уничтожение всех безусловно пережитков феодального и крепостного права, представительный образ правления при всеобщем избирательном праве, и, наконец, автономию сельских и городских общин. Эту автономию Франции, впрочем, не удается провести в жизнь, так как ей, с первых же годов революции, приходится вступить в отчаянную борьбу, на жизнь и на смерть, со всеми королями Европы, и таким образом перейти на время от демократической республики к империи; точно так же ей приходится выдержать такую жестокую борьбу с католическим духовенством, которое поднимает, при содействии Австрии, германских государств и Англии, целые громадные области против республики и против проводимой ею в жизнь философской религии, в которой высоко нравственное начало равенства, братства и любви к родине выводилось из созерцания природы и человеческого разума.

«Для поверхностного наблюдателя французская революция, где наполеоновская империя скоро заменила республиканский режим, доказала только безполезность революции; на деле же, весь XIX век был осуществлением в Европе начал, провозглашенных Французской революцией, равенства всех граждан перед законом, уничтожения пережитков феодального строя и повсеместного введения представительного правления. Эти лозунги французские санкюлоты, а впоследствии даже Наполеон, разносили на своем трехцветном знамени, уничтожая крепостное право в Италии, Испании, германских княжествах и в Австрии, вводя под именем Неполеонова кодекса свод законов, выработанный Конвентом и уничтожавший сословные привилегии, и кладя конец кострам инквизиции в католических странах.

«К несчастью эта волна докатилась до России только тогда, когда во Франции царил уже император, а республиканская армия уже обратилась в сброд самых разноплеменных полчищ.

«И вот теперь мировая история наложила на Россию тяжелую задачу выполнить новую революцию, распространяя далее на Восток те же права человека и прибавляя к ним наследие XIX века — разрешение социального вопроса, как для крестьянских масс, так и для непомерно разросшегося городского населения и его естественного последствия — пролетариата. Подобно тому, как Франции в своей революции пришлось пойти гораздо дальше Англии, и ребром поставить уничтожение земельного феодализма, — оно и было совершено во Франции, — тогда как в Англии он продолжает существовать и до сих пор, точно также России предстоит провести в жизнь среди своего разноплеменного населения не только утверждение «Прав Человека» и уничтожение земельного феодализма, но еще и разрешение экономических вопросов, поставленных перед человечеством в XIX-ом веке. Задача громадная, вероятно, даже непосильная для русского народа, если он в ней не будет поддержан народами Запада, уже совершившими свои две революции, т. е. Англии и Франции, но совершенно неизбежная при современных условиях экономической жизни.

«Задача, стоящая перед Россией, еще более осложняется тем, что нам приходится совершать нашу революцию во время жестокой войны, в которую нам приходится воевать не с ничтожными армиями разрозненных немецких княжеств, как это приходилось Франции, а с громадными силами двух империй, обладающих в сложности населением в 120 с лишним миллионов жителей, обладающих высоко развитой промышленностью и воспитанных за последние 50 лет для завоеваний и распространения на Восток.

Но есть еще одна сторона, ставящая

Россию в гораздо худшее положение, чем была Англия и Франция во время своих революций, — и тут требуется от безусловно лучших людей в России самое упорное напряжение сил, чтобы противодействовать разлагающему влиянию этого фактора, которого не знали ни Англия, ни Франция.

«Обе эти революции, ставя себе определенные экономические цели, вместе с тем были одушевлены высоким нравственным идеалом.

«Английская революция была в значительной мере революцией народной совести. Являясь протестом против разложения католического духовенства, она выставляла строго нравственные идеалы — пуританство. Ее вражда направлялась столько же против разврата двора и высших классов, сколько и против их политического преобладания. Ее воодушевлял нравственный идеал столько-же, сколько и идеал политического и экономического равенства.

«Точно также и французская революция ставила себе целью не только уничтожение политических и экономических классовых привилегий, но и проведение в жизнь высшего идеала человеческой взаимности.

«Философия XVIII-го века была проникнута идеалом человеческой взаимности, хотя она и выставляла принцип эгоизма, но она понимала эгоизм, как сознание разумной солидарности всех членов общества. И если, среди более зажиточных классов проповедь эгоизма Гольбаха в его ограниченном смысле, имела успех, то среди рабочих масс любимым философом был Руссо с его проповедью гуманизма и солидарности, высоко нравственного общественного образования. В том же духе шла в то время вся проповедь франк-масонства, к которому принадлежали все сколько-нибудь видные деятели революции и которое дало революции ее лозунг — свобода, равенство и братство.

«К сожалению, несмотря на удивительные подвиги самопожертвования, проявленные русскими революционарами в ее подготовительный период, несмотря на высокий общественный идеал, воодушевлявший их, мы видим, что теперь берет верх учение, постепенно просачивавшееся в нашу жизнь за последнее десятилетие — учение об экономическом материализме. При чем это учение понимается не в том смысле, в каком понимали его бланкистские организации Франции, когда они назывались коммунистами - материалистами, понимая под этим коммунизмом не монашеские общины и парагвайских иезуитов с их колониями рабов, а коммунизм де факто, на деле, дающий всем не только нравственное благосостояние, но и нравственную независимость. В учении экономического материализма, шедшем из Германии, это понимание материализма утратилось.

«Смысл, который оно приобрело в учении последователей Фурье, осмеивался, как утопическое учение, и вместо него, брало верх понимание социальной революции как разнузданность единичных вожделений в смысле каких нибудь штирнерианцев или ницшеанских сверхчеловеков низшего сорта. В этом отсутствии высокого, вдохновляющего идеала, русской революции лежит все различие между нею и ее предшественниками. Остается одно — жить надеждой, что такой характер революция приняла только под тлетворным влиянием последних годов самодержавной вакханалии и что здравый смысл русского народа возьмет верх и избавится от этой язвы, которая грозит обессилить русскую революцию и сделать ее безплодной». (Подчеркнуто все А. Г.) («Сборник памяти А. П. Кропоткина», изд. «Всероссийским общественным комитетом по увековечению памяти П. А. Кропоткина». Москва 1921 г. Стр. 57—59).

⁂

Несмотря на свои годы, Кропоткин жил последние годы своей жизни полностью охваченный окружавшими его событиями и до последнего момента своей жизни сохранил редкую ясность ума, оставался тем же острым и внимательным наблюдателем, как и всю свою жизнь, и не-

утомимым работником как всегда.

«Я видел Петра Алексеевича, — писал Волин в 1921 году, — всего три месяца тому назад, в ноябре прошлого года, в его маленькой квартирке в Дмитрове. Он был бодр, оживлен, деятелен. В мышлении, в приемах речи — ничего дряхлого, старческого. Живо интересовался он текущими событиями, анархической работой вообще, украинским анархическим движением в особенности. С глубокой болью говорил он о том, что партийно - политический, государственнический путь нашей революции сделал и ее «типичной, неудачной революцией», и высказывал опасение за возможность глубокой реакции». (Волин «Вместо Венка». Сборник «Петр Кропоткин». Изд. Москва 1922 г., стр. 162).

Под влиянием событий Кропоткин отдался работе над своей «Этикой», которую он считал крайне важной для выяснения перед всеми революционерами роли и значения морали в революционной активности. Эта работа поглощала его почти всецело. Но все таки он не переставал следить за кипучей общественной жизнью и время от времени выступать против совершаемых большевиками ужасов. Таковыми ,например, были его письма к В.У.И.К., а потом и к Ленину, в которых он обращал их внимание на ужасы диктатуры, на все варварство заложничества и то зло, которое такое явление приносит революции.

Его протесты против зла диктатуры и угнетения, хотя и не всем известные в то время, появлялись время от времени то в виде писем к европейским рабочим, то в речи к дмитровским кооператорам, до последних дней его жизни. И даже уже на смертном ложе, он не переставал интересоваться событиями и не отказывал в совете приходившим к нему с визитом интеллигентам, рабочим и крестьянам.

Будучи в Дмитровке и дежуря у тела покойного или на собраниях комиссии по похоронам в Дмитрове приходилось слышать много очень характерных разсказов о его жизни и взглядах последних лет, которые все ясно указывали, что его влияние было обширное не только среди массы, но и среди самих коммунистов и особенно коммунистической молодежи. Что он ни на минуту не отходил от своих анархических взглядов, а наоборот, их ясно и громогласно высказывал и пропагандировал среди всех с кем ни встречался. До последнего вздоха Кропоткин оставался человеком идей благородных, и неутомимым борцом за идеал Анархии.

Вот выдержка из его речи, прочитанной уже 14 ноября 1920 года, т. е. три месяца до его смерти, на собрании дмитровских кооперативов. Она говорит сама за себя лучше всяких слов:

«Теперешнее русское правительство, к сожалению, держится централизованного государственного коммунизма в своих планах перестройки общества; оно обращает кооперативные организации в органы государственной централизации в производстве и потреблении. Но в Западной Европе и особенно в латинских странах, где сильно развит в силу исторических причин, дух местной, общинной независимости, — в кооперации видят одну из общественных сил, которая должна содействовать социалистической перестройке общества. И я едва ли ошибусь, предвидя, что и русские кооперативы не окажутся в этом отношении позади своих западных собратьев.

«Уже в бытность за границей, а тем более по приезде сюда, меня поражало количество культурной работы, делавшейся русскими кооперативами, несмотря на все преследования со стороны царского правительства, — боявшегося, как все деспотические правительства, — «государства в государстве». Уже тогда чувствовалось, что кооперация есть сила, которую временно можно ослабить, но что убить ее нельзя.

«Тем более этого нельзя будет сделать теперь, если наши кооператоры, убедившись в неотложности переустройки общества на новых началах и видя, какую роль кооперация уже начинает играть в этом отношении на Западе, сами поставят себе

более широкие задачи в этом направлении.

«Двадцатый век неизбежно будет веком глубокой общественной перестройки; и те общественные организации, которые поймут задачу века, и ею будут руководиться в своей деятельности — какие бы ни возникли препятствия на их пути — станут действительностью, могучею силою.» (Письмо Кропоткина к дмитровским кооператорам от 14 ноября 1920 года. См. «Пробуждение» № 15 от февраля 1931 г.)

Через некоторое время самые видные из кооператоров, принимавших участие в этом совещании, были арестованы и посажены в Москве в Бутырскую тюрьму за сочувствие анархизму, где они находились, по крайней мере, до нашей высылки за границу.

Российская революция продолжала идти по своему пути диктатуры пролетариата, то-есть диктатуры отдельных групп рабочих над всем остальным многомиллионным населением. Повседневная практика революционного правительства давала самые ужасные плоды, и Кропоткин не мог оставаться безразличным к творившимся ужасам.

В своем «Послесловии» от 5 декабря 1919 года к пересмотренному им изданию «Речей Бунтовщика», Кропоткин подводит как бы итог всему своему опыту за 50 лет своей активности и делает целый ряд крайне интересных и важных выводов из этого опыта и опыта российской революции.

Вот несколько выдержек из этой работы:

«Знакомясь таким образом с реальной жизнью, я постоянно имел в виду вопрос: — «Какие формы сможет принять социальный переворот, чтобы наиболее безболезненно перейти от личного и компанейского производства с целью наживы к производству и товаро-обмену, организованным самими производителями и потребителями для наилучшего удовлетворения всех нужд населения».

«Из этого исследования получились два вывода:

«Первый из них был тот, что производство пищи и всякого товара, а затем товарообмен представляют такое сложное дело, что планы социалистов - государственников, — неизбежно ведущие к диктатуре партии, — окажутся безусловно неудовлетворительными, как только их начнут прилагать к жизни.

«Никакое правительство не будет в силах, — утверждали мы, — наладить производство, если за это дело не возьмутся сами рабочие, через посредство своих профессиональных союзов, в каждой отрасли производства, в каждом ремесле, потому что в каждом производстве есть и каждодневно будут возникать тысячи трудностей, которых никакое правительство не может ни разрешить, ни предвидеть.

«Заранее предназначать все невозможно, нужно, чтобы сама жизнь и усилия тысяч умов, на местах, содействовали развитию нового строя и находили наилучшие условия для удовлетворения тысячи проявлений местных потребностей.

«Теоретические планы перестройки, конечно, не безполезны в подготовительном периоде. Они будят мысль и заставляют вдумываться в сложные организмы, представляемые цивилизованными обществами. Но вместе с тем, они слишком упрощают предстоящую человечеству задачу; и если начать осуществлять эти программы, то жизни им не наладить. Произойдет от них такая разруха, которая может привести к самой злой реакции».

Второй вывод, к которому я скоро пришел, был следующий: «современная экономическая жизнь народов строится на ложном основании. Теория, которую проповедуют ученые экономисты, состоит в том, что народы земного шара делятся на два разряда. Одни народы, благодаря своей большой образованности, призваны заниматься, главным образом, выделкой мануфактурных товаров, — тканей, машин всякого рода, двигателей и т. д. Другие же, в силу своей отсталости, обречены на добывание пищи для народов первого разряда, а также и сырья для их фабрик.

В любом курсе политической экономии излагается эта теория: так богатела английская буржуазия: так будут богатеть и другие страны, развивая свою промышленность на счет остальных народов.

«Но более подробное изучение хозяйственной жизни и промышленных кризисов Англии и других стран Европы приводит к другому заключению. Разбогатеть таким же путем, как Англия, уже невозможно. потому что ни одна образованная страна уже не желает оставаться,—и не остается, — в положении поставщицы сырья. Все народы стремятся к тому, чтобы развить у себя свою обрабатывающую промышленность — и все постепенно достигают этого»...

Так что в нашу эпоху «путь к развитию благосостояния народов лежит в соединении земледелия и промышленности, а не в разделении на народы промышленные и народы земледельческие. Такое подразделение роковым образом вело бы человечество к непрерывным войнам из-за рынков и рабов для своей промышленности..»

Помимо этого «мы вовсе не так богаты, как это кажется, когда, проходя по улицам наших больших городов, мы видим роскошные дома богатых людей и их щегольские экипажи, безумную роскошь в окнах больших магазинов и разодетые толпы гуляющих. Самая богатая страна в мире — Англия. Но если сложить все, что она получает со своих полей, с каменноугольных копей, со своих многочисленных фабрик и заводов, с иностранных займов и с мировой торговли, и поделить это поровну между ее жителями, то получится только полтора рубля в день на человека — и ни в коем случае не больше двух. В России же не набирается на человека и пятнадцати копеек в день.

«Уже из этого видно, что социальная революция, где бы она ни произошла, должна будет поставить, с самых первых дней, первою своею задачей, — сильно увеличить все свое производство. В первые месяцы освобождения неизбежно увеличится потребление пищи и всякого товара, и одновременно уменьшится производство; причем всякую страну, начавшую социальную революцию, будет окружать кольцо недружелюбных соседей, или врагов...»

«Так как до сих пор, во всех странах Европы, добрая треть населения всегда живет впроголодь и терпит недостаток в одежде и во всем прочем, то революция неизбежно поведет за собой усиленное потребление. Спрос на все увеличится, а производство уменьшится, и в конце концов получится голод — голод на все, как теперь в России. Избежать такого голода есть одно только средство. Мы все должны понять, что едва в стране начинается революционное движение, — единственный разумный исход состоит в том, чтобы фабричные рабочие, крестьяне и все граждане сами, с самого начала движения взяли в свои руки все народное хозяйство, организовали его сами и направили свои усилия к быстрому увеличению всего производства. Но убедиться в этой необходимости они смогут только тогда, когда всеобщие заботы о народном хозяйстве, предоставленные теперь по старой привычке целой ораве всяких министров и комитетов, будут представлены, в простой форме, перед всяким селом, деревней и городом, перед всякой фабрикой и заводом, как их собственное дело, и будут предоставлены им в их собственное заведение.

Итак, изучение действительной жизни народов неизбежно приводит нас к заключению, что все народы должны напрячь свои силы, чтобы мощно развить у себя и усовершенствовать, с одной стороны, земледелие — в виде усиленной обработки земли, и одновременно с этим усиленно развивать у себя обрабатывающую промышленность. В этом направлении — залог прогресса и успеха в освобождении Труда от ига Капитала. Нет народов, предназначенных на службу другим! В этом, да еще в понимании того, что социальный переворот невозможно совершить диктатурою, — краеугольный камень всего здания. Строить без него значило бы строить на песке.

«Двадцать, тридцать лет тому назад, на эту сторону жизни реформаторы слишком мало обращали внимания. Теперь-же, после жестоких уроков последней войны, всякому вдумчивому человеку, а особенно рабочим, должно быть ясно, что такие-же войны, даже еще более жестокие, будут неизбежными, пока одни страны будут считать себя предназначенными обогащаться производством мануфактурных товаров и будут размежевать между собою отсталые страны, чтобы они снабжали их сырьем, тогда как они будут наживаться на чужом труде.

«Мало того, мы имеем право утверждать, что перестройка общества на социалистических началах будет невозможна, пока фабричная, обрабатывающя промышленность, а следовательно и благосостояние фабричных рабочих будет строиться, как оно строится теперь, на эксплуатации крестьян своего-же народа, или других народов.

«Нужно помнить, что теперь уже ни одни капиталисты являются эксплуататорами чужого труда и «империалистами». Не они одни стремятся завоевать себе в Европе, Азии, Африке и т. д. дешевых производителей сырья. По мере того, как рабочие принимают участие в политическом управлении, они тоже заражаются завоевательным империализмом. В последней войне германские рабочие, одинаково со своими хозяевами, стремились завоевать себе дешевых производителей сырья, даже в Европе, т. е. в России и на Балканском полуострове, а также в Азиатской Турции и в Египте; и они также считали нужным раздавить Англию и Францию, мешавших таким завоеваниям; причем французские и английские рабочие, в свою очередь, потворствовали таким же завоеваниям своих правительств в Африке и в Азии.

«При таких условиях ясно, что образованным народам предстоит целый ряд войн, еще более кровопролитных и еще более дикарских, если они не совершат у себя социального переворота и не перестроят своей жизни на новых, более общественных началах. Вся Европа и Соединенные Штаты, за исключением эксплуатирующего меньшинства, чувствуют эту необходимость.

«Но совершить такой переворот невозможно путем диктатуры и власти. Без широкого строительства снизу — самими крестьянами и рабочими — социальный переворот будет обречен на неудачу. Русская революция еще раз подтверждает это, и нужно надеяться, что этот урок будет понят: что везде в Европе и Америке будут приложены серьезные усилия, чтобы создавать среди всего трудового класса— крестьян ,рабочих и так называемой интеллигенции — кадры предстоящей революции, действующей не по указам сверху, а способной самой выработать вольные формы новой хозяйственной жизни». (См. П. Кропоткин «Речи Бунтовщика». Изд. Москва 1921 г. Стр. 340—348 «Послесловие» от 5 декабря 1919 г.)1- **Кропоткин.** Дмитров, 5 декабря 1919 г.

«Продолжение «Речей Бунтовщика» была книга тоже составленная из моих статей в «Ле Revolte» и «Ла Revolte», и озаглавленная в русском переводе «Хлеб и Воля». В ней я изложил, как мы понимаем построительную работу в предстоящей социальной революции в близком будущем, т. е. строительство нового общества, основанного на коммунизме и на полном равноправии; но строительство ведущееся не указами правительства, не сверху вниз, не от сложного к простому, а на анархических началах, от простой ячейки в деревне, в квартале, в проефссиональном союзе, в кооперативе, к сложному организму, охватывающему город, область и целый народ.

«Как сказано выше, переходом от «Речей Бунтовщика» «Хлеб и Воля» была статья: «Экспроприация». А так как в виду теперешних событий эта статья получила животрепещущий интерес, то я дополнил ее несколькими замечаниями в виде «Послесловия».

---

1) В Предисловии к этому же изданию «Речей Бунтовщика», Кропоткин между прочим, говорит:

Программа общества международной революции
(ОКОНЧАНИЕ)

Наша социалистическая программа. XVIII.—Она требует и должна требовать:

1. Политического, экономического и социального уравнения всех классов и всех людей, живущих на земле.

2. Уничтожения наследственной собственности.

3. Присвоения земли сельско-хозяйственными ассоциациями, а капитала и всех орудий производства — ассоциациями индустриальными.

4. Уничтожения патриархального семейного права, т .е. деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнения женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5. Содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола, до достижения ими совершеннолетия, на счет общества, причем, обучение, научное и техническое, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех.

Школа должна заменить собой церковь и сделать ненужными уголовные уложения, наказания, тюрьмы, палачей и жандармов.

Дети не являются ничьей собственностью — ни родителей, ни даже общества: они принадлежат только их собственной будущей свободе. Но в детях свобода эта еще не реальна — она у них лишь в потенции, ибо действительная свобода, т. е. полное сознание и осуществление ее во всякой личности, основанное преимущественно на чувстве собственного достоинства и на настоящем уважении к чужой свободе и достоинству ,т. е. на справедливости, — такого рода свобода может развиться в детях лишь благодаря разумному развитию их ума, а также их характера и разумной воли. — Отсюда следует, что общество, — вся будущность которого зависит от надлежащего образования и воспитания детей, и которое, поэтому, не только вправе, но и обязано следить за ними, — является естественным опекуном всех детей обоего пола; а так как оно, вследствие предстоящего уничтожения личного наследственного права, будет впредь и единственным наследником, то оно естественно будет считать одной из первейших своих обязанностей предоставить все необходимые средства для содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола без различия, независимо от их происхождения и от их родителей.

Права родителей будут сводиться к тому, чтобы любить своих детей и иметь над ними естественный авторитет, поскольку последний не будет противоречить их нравственности, умственному развитию и будущей свободе. — Брак в смысле гражданского и политичесного акта, как и всякое вмешательство общества в дела любовные, должны будут исчезнуть. Дети будут принадлежать — естественно, а не по праву — преимущественно матери, под разумным надзором со стороны общества.

Ввиду того, что дети, в особенности малолетние, неспособны рассуждать и сознательно управлять своими поступками, принцип опеки и авторитета, который надлежит вовсе устранить из жизни общества, будет все-же находить естественное применение в деле их воспитания и образования. Однако, авторитет и опека должны быть истинно гуманны и разумны, совершенно чужды всяким отголоскам теологии, метафизики, юриспруденции; они должны будут исходить из того положения, что от рождения ни одно человеческое существо не является ни дурным, ни хорошим, и что добро — т. е. любовь к свободе, сознание справедливости и солидарности, культ или, скорее, уважение и навык к истине, разуму и труду — не может быть развито в человеке иначе, как путем разумного воспитания и образования, основанных на явно чувствующемся уважении, в теории и в то же время на деле, к этому разуму, справедливости и

свободе. Таким образом, — подчеркиваем, — единственной целью этого авторитета должна быть подготовка всех детей к полнейшей свободе. Этой цели авторитет может достичь только тем, что он будет постепенно сводить самое себя на нет, уступая место самодеятельности детей, по мере их приближения к совершеннолетию.

Образование должно будет обнимать все отрасли науки, техники и ремесленных знаний. — Оно должно быть одновременно и научным, и профессиональным, общим — обязательно для всех детей, и специальным — применительно ко вкусам и наклонностям каждого из них, для того, чтобы всякий юноша и девушка, вышедшие из школы и признанные совершеннолетними и свободными, были одинаково пригодны и к умственному, и к ручному труду.

Вышедши из-под опеки, они вольны будут вступать или же не вступать для работы в трудовые об'единения. Однако, все они по необходимости пожелают вступить в эти об'единения, так как с переходом всей земли, капитала и орудий производства в собственность международной или, вернее, всемирной федерации свободных рабочих ассоциаций, не будет больше ни места, ни возможности для конкуренции, т. е. существования обособленного труда.

Никто не сможет более эксплоатировать чужой труд; каждый должен будет работать для того, чтобы жить. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда будет, по всей вероятности, найдено справедливым не признавать за ним никаких политических прав, раз он, будучи трудоспособным, предпочтет находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет никакого иного обоснования для общественных и политических прав, кроме труда, несомого каждым. Впрочем, случаи подобного рода могут представиться только во время переходного периода, когда будет еще, к несчастью, на свете немало личностей, выросших при современной системе организованной несправедливости и преимуществ, и не воспитанных в сознании справедливости и истинного человеческого достоинства, а также в уважении и привычке к труду. По отношению к подобным личностям революционное или революционизованное общество будет находиться перед тягостной дилемой: либо принудить их работать, что было бы деспотизмом, — либо же дать себя эксплоатировать бездельникам, а это было бы новым рабством и источником нового развращения всего общества.

В обществе, организованном на началах равенства и справедливости, которое служит основанием подлинной свободы, при разумной постановке дела воспитания и образования, и под давлением общественного мнения, не могущего не презирать бездельников, раз оно зиждется на уважении к труду, — в таком обществе праздность и тунеядство станут невозможны.— Сделавшись чрезвычайно редким исключением, они по справедливости будут рассматриваться, как особого рода заболевания, от которых будут лечить в больницах.

Одни только дети, пока они не достигнут известной силы, впоследствии лишь постольку, поскольку необходимо будет дать им время для приобретения знаний и не перегружать их, при этом, чрезмерной работой, затем — инвалиды, старики и больные смогут быть освобождаемы от труда без урона для их достоинства и без ущерба для их прав свободных граждан.

XIX. — В интересах своего коренного и полного экономического освобождения, работники должны будут требовать полного же и решительного уничтожения государства со всеми его учреждениями.

Прим. 1. Что такое государство? Оно — историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, распространяемой на народные массы во имя либо какой-нибудь религии, либо ис-

ключительных и привилегированных способностей одного или нескольких классов собственников, в ущерб тысячам работников, подневольный труд которых они жестоко эксплоатируют. — Завоевание, легшее в основание права собственности и личного наследования, тем самым явилось и фундаментом всякого государства. — Указанная эксплоатация труда масс в пользу известного числа собственников,— из которых большинство даже мнимых, и лишь небольшая часть реально существует, — освященная церковью во имя вымышленного божества, которое постоянно заставляли принимать сторону более сильных или более ловких, — вот что именуется правом. — Развитие благосостояния, комфорта, роскоши и утонченного и извращенного интеллекта привилегированных классов, — развитие, необходимым основанием которого является нужда и невежество огромного большинства населения, — называется цивилизацией; а организация, гарантирующая существование всего этого ансамбля исторических несправедливостей, именуется Государством.

Итак, работники должны желать уничтожения государства.

Прим. 2. Государство, по необходимости зиждущееся на эксплоатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость внутри себя, неминуемо должно быть грубым, завоевательным, грабительским и хищническим в своих внешних действиях. — Государство, — всякое государство: безразлично, монархия или республика, — есть отрицание человечности. Оно есть отрицание человечности потому, что ставя своей высшей или абсолютной целью патриотизм граждан, — ставя согласно самому совему принципу выше всех интерсов в мире интерес собственного самосохранения, собственной мощи, увеличения этой мощи внутри и распространения ее во-вне, — государство отрицает как частные интересы и человеческие права своих подданных, так и права чужеземцев, тем самым оно нарушает всемирную солидарность между народами и между людьми, ставит их вне справедливости, вне человечности.

Прим. 3. Государство — меньший брат церкви. Оно не может дать никакого иного обоснования своему существованию, кроме какой-либо теологической или метафизической идеи. — Будучи по природе своей противно справедливости человеческой, оно должно основываться на богословской или метафизической фикции справедливости божественной. — В античном мире не сущесттвовало даже понятия нации или общества, так как последнее было всецело заполнено, порабощено и поглощено Государством, а каждое государство выводило свое происхождение и свое особое право на существование и на господство от какого либо бога или от системы богов, которые и почитались исключительными покровителями того или иного государства. В древнем мире человек был несчастен, самое понятие человечества не существовало. — Были одни только граждане. Вот почему, в той цивилизации рабство было естественным явлением и необходимой базой свободы граждан.

Когда христианство разрушило политеизм и провозгласило единого Бога, государствам пришлось прибегнуть к святым из христианского рая: у каждого католического государства оказалось по одному или по несколько святых — его покровителей и защитников, заступников его перед лицом Господа Бога, который по этому случаю, вероятно, не раз должен был очутиться в весьма затруднительном положении. Кроме того, каждое государство находит еще и по сей день нужным заявлять, что Господь Бог покровительствует ему особым и исключительным образом.

Метафизика и наука о праве, основанном в идее на метафизике, а в действительностти на классовых интересах имущих классов, также пытались отыскать разумные основания для факта существования государств. — Они прибегли к фикции всеобщего и молчаливого соглашения или договора; или же — к фикции об'ек-

тивной справедливости и всеобщего народного блага, представляемого, по их словам, государством. — По мнению демократов — якобинцев, государство имеет задачей — способствовать торжеству всеобщих и коллективных интересов всех граждан над эгоистическими интересами отдельных личностей, общин и областей. Оно — всеобщая справедливость и коллективный разум, одерживающие победу над эгоизмом и глупостью отдельных людей. — Это — об'явление негодности и неразумия каждого отдельного индивида во имя мудрости и добродетели всех. — Это — фактическое отрицание или, — что одно и то же, — безконечное ограничение всех частных свобод — индивидуальных и коллективных — во имя так называемой свободы всех — свободы коллективной и всеобщей, которая в действительности есть лишь гнетущая абстракция, выведенная из отрицания или ограничения прав отдельных лиц и основанная на фабричном рабстве каждого.—Ввиду же того, что всякая абстракция может существовать лишь постольку, поскольку ее поддерживает положительная заинтересованность в ней реального существа, — абстракция «Государство» действительно представляет весьма положительную заинтересованность правящих и имущих классов, эксплоатирующих других и именуемых интеллигентами, а также и систематическое принесение им в жертву интересов и свободы порабощенных масс.

Прим. 4. Патриотизм — добродетель и страсть политическая и государственная...

(Рукопись осталась неоконченной).

К ЛЮДЯМ

«Разбейте старые скрижали»

Сомненье ум холодный жалит,
Мой голос грустен и суров:
— Разбейте старые скрижали,
Ненужных обветшалых слов.
Но как узнать, что слово старо?
Ведь тайной плесенью покрыт,
Среди житейского базара
Товар народных слов лежит.
По виду ярок и занятен
И чист, как светлый хризолит,
Внутри он прячет много пятен
И плесень горькую таит.
О, люди-братья! Братья—люди!
Вы недогадливей ослов,
Зачем искать в базарной груде
Набор чужих фальшивых слов.
Внутри себя рождайте слово, —
Или творить вам не дано?!
Пусть будет чисто и здорово,
Пусть будет девственно оно.
А хлам словесный, что на рынке
Рекламят бойкие купцы,
Оставьте чертям на поминки,
Пусть им подавятся глупцы.
Вы слов продажных не ищите,
Слова не деньги и не куш!
Пророк базарный и учитель
Да не коснутся ваших душ.
Сомненье ум холодный жалит
Мой голос грустен и суров:
— Разбейте старые скрижали,
Ненужных обветшалых слов!

АНАТОЛЬ КОНСЕ

ВЛАСТИТЕЛИ

Мы голодны, оборваны, раздеты,
Ладони рук — в мозолях трудовых....
А мимо нас блестящие кареты
Везут к дворцам властителей земных.
Видны сквозь окна чьи-то эполеты,
Блестят бриллианты: кто-же носит их?
Чьи женщины в надменные лорнеты
Разглядывают нищих городских?
Хозяева, создатели закона,
Спешат торжественно в высокие дворцы
К подножию возлюбленного трона...
И, после долгого лакейского поклона,
Их слуги верные кричат во все концы:
Терпи народ коленопреклоненно!

Б. Верхоустинский.

***

Анархисты утверждают, что ни один народ ни одна нация не должны угнетать другой народ, другую нацию. Все должны иметь равные права. Все народы, без всякого исключения, для общего счастья и благоденствия должны жить по-братски, как одна дружная семья. Поэтому анархисты считают ненужными границы, отделяющие один народ от другого или одну нацию от другой, как это наблюдается в настоящее время. Никаких государств быть не должно и люди будут жить в мире и в дружбе.

А. А. Карелин.

ОБРАЩЕНИЕ К ГРУППАМ И ТОВАРИЩАМ

1. Убедительно просим всех товарищей, чтобы не забывали политических заключенных, а помогали им по мере возможности.

2. Просим не задерживать денег за проданные номера. Аккуратная высылка денег будет содействовать более регулярному выходу журнала.

3. Всем товарищам, которые желают распространять анархические идеи среди американских масс, мы настоятельно рекомендуем три анархических журнала на английском языке:

"FREEDOM"
9 Wardour St., London, W. 1.
ENGLAND.

"VANGUARD"
P.O. Box 92, Station D.
New York, N.Y.

"MAN"
P.O. Box 115,
San Francisco, Cal. U.S.A.

ПЕСНЬ КРЕСТЬЯНИНА

Появилась воля,
Красота — свобода!
Вѐдь, печальна доля
Русского народа.
Воля, наша воля!
Нет тебя без хлеба!
Тяжела неволя,
Нищета заела.
Братья хлеборобы!
Горе мы развеем:
Всю возьмем свободу,
Землю всю засеем.

Крестьянин.

КНИГИ НА СКЛАДЕ «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Ж. Грав — Умирающее общество и Анархия — 25 с.
Ж. ГРАВ — Синдикализм в общественном развитии — 05 с.
А. КАРЕЛИН — Смертная казнь — 10 с.
А. КАРЕЛИН — Новое краткое изложение политической экономии — 25 с.
НОВОМИРСКИЙ — Из программы синдикального анархизма — 25 с.
Э. МАЛАТЕСТА—Крестьянские речи — 10 с.
Э. Реклю — Избранные сочинения — 25 с.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.